

История – это интересно!
Серия

ГАСЬЕН ДЕ КУРТИЛЬ ДЕ САНДР

Мемуары
де графа Рошфора

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО
И ПОСЛЕСЛОВИЕ СЕРГЕЯ НЕЧАЕВА

 ЭТЕРНА
2015

УДК 94(4)
ББК 63.3
Н59

Серия «История — это интересно!» основана в 2009 году

*В качестве иллюстраций использованы старинные картины и гравюры,
а также фрагменты рисунков Мориса Лелуара*

Дизайн — Александр Архутик

Мемуары графа де Рошфора, содержащие сведения о том, что важного произошло при кардинале де Ришельё и кардинале Мазарини, со многими отличительными особенностями правления Людовика Великого / Пер. с фр. и послесловие С. Ю. Нечаева. — М.: Этерна, 2015. — 264 с.: ил. — (История — это интересно!).

ISBN 978-5-480-00341-3

Весь мир знакомится с французской историей по романам Дюма. И пусть эта история не во всем верна, зато она интересна и полна самых захватывающих приключений. Более того, его можно даже считать родоначальником нового литературного жанра — эдакой исторической фантастики, в которой автор пишет не о будущем, а о прошлом, используя известные факты всего лишь как иллюстрации к развиваемому сюжету, к собственному взгляду на происходившие события. Конечно, серьезных историков это не может не раздражать.

Мы не будем осуждать Александра Дюма. Он ведь не историк, а романист, и написал увлекательные книги, которыми зачитываются многие поколения людей. А главное — Александр Дюма очаровал нас всех приключениями своего героя.

А что же де Куртиль? Ему просто не так повезло, и его имя долгое время оставалось совершенно забытым. Однако его история графа де Рошфора — это множество весьма метких исторических портретов, масса событий, к которым сам вымышленный граф не имел ни малейшего отношения, обилие интриг, заговоров, любовных приключений, придворных сплетен... И ничего демонического, потому что граф де Рошфор не был негодяем, антигероем или «игроком на поле зла», как его часто называют. Напротив, он был благородного происхождения и очень чтил кодекс чести. Просто он полжизни работал шпионом (есть ведь и такая работа), и обязанности свои он выполнял на совесть

«Мемуары графа де Рошфора» Гасьена де Куртиля де Сандра — это 448 страниц убористого текста, который, если изложить его современным языком, вполне может превратиться в историко-приключенческий бестселлер, действие которого происходит в XVII веке в старой доброй Франции. Что, собственно, мы и попытались сделать.

**УДК 94(4)
ББК 63.3**

© С. Ю. Нечаев, перевод и послесловие,
2015

© ООО «Издательство «Этерна»,
оформление, 2015

ISBN 978-5-480-00341-3

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
МЕМУАРЫ ГРАФА ДЕ РОШФОРА	11
ПОСЛЕСЛОВИЕ	260

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Граф де Рошфор** был человеком настолько известным, и он умер настолько недавно**, что, похоже, не надо уточнять ничего из того, что он говорит в своих воспоминаниях. Все, кто служил в армии или при дворе, прекрасно знают, что он был неспособен выдавать вымысел за правду и уж тем более писать что-либо ради введения публики в заблуждение.

Короче говоря, трудно найти человека более благородного, и я это утверждаю вовсе не потому, что был одним из его друзей, а потому, что считаю себя обязанным отдать ему должное. Если же с самого начала своих воспоминаний он говорит о своем отце нечто такое, что может показаться удивительным, не надо думать, что это неправда. Мы теперь каждый день имеем возможность видеть такие необычные вещи, что люди, хорошо знающие Париж, этому уже не удивляются. Не проходит и года, чтобы этот большой город не дал нам какой-либо весьма болезненный для одних людей сюжет, которым другие бы тут же не воспользовались к своей выгоде. То же, что касается его родственников, например его сестры, выглядит уже не столь удивительно. Сколько мужей бегают за своими женами после того, как бросили их? Я не говорю этого из-за благочестия... Я знаю многих людей, которым стоил немалых денег переход в разряд рогоносцев и которые, тем не менее, получив все, что они заслуживают, потом вдруг начинали предпринимать не меньше усилий для воссоединения, чем ранее — для развода.

Короче, если бы я не был уверен в том, что все это правда, мне это показалось бы еще более невероятным, чем, например, мужчина, который стремится вернуть свою жену, к которой никогда не испытывал ничего, кроме уважения. Но мне могут возразить, что тот, о ком здесь идет речь, был священником, и ему непозволительно вновь брать жену после подобного. Но почему бы и нет, если Парламент*** решил, что он может это сде-

* В оригинале L.C.D.R. (Le comte De Rochefort). — Здесь и далее прим. перев.

** Перевод сделан по изданию 1691 года.

*** Парламент — так во Франции назывались высшие суды, пользовавшиеся очень большими политическими правами. Первым по времени происхождения

лать? Как бы то ни было, чтобы воздать должное истине, скажу, что, оказавшись однажды в компании с господином президентом де Байёлем*, я его спросил, помнит ли он об этом процессе, а также о том, что господин де Рошфор упомянул, рассказывая о нем.

Он мне ответил на это, что помнит, что нечто подобное происходило, после чего уже не о чем было говорить. Действительно, господин де Байёль — это человек такой всем известной порядочности и честности, что одного его свидетельства было бы достаточно, чтобы убедить и самых недоверчивых.

Если господин де Рошфор выказывает себя столь искренним в рассказе, так сильно похожем на вымысел, то тем больше должны мы верить вещам, которые он излагает помимо того. В самом деле, что неправильного можно найти в том, что он говорит о кардинале де Ришельё? Разве мы не знаем, что все первые министры были людьми таинственными, они и должны быть такими, а этот среди всех выделялся именно этим качеством, как и рассказывает господин де Рошфор? Как бы то ни было, разве существует что-либо более естественное, чем то, что делал этот министр, чем его амбиции? В этом даже можно найти определенные уроки того, как надо себя вести, что является главной пользой, которую можно извлечь, прочитав эту книгу.

Я уверен также, что главная причина, толкнувшая графа де Рошфора написать ее, заключалась не в том, чтобы показать, как его использовали в различных секретных делах, а в том, чтобы на своем примере сделать людей мудрее. Мне кажется, что я могу доказать верность этого утверждения на примере того, сколько раз он начинал сначала в самых безнадежных ситуациях, в которые попадал благодаря господину кардиналу де Ришельё. То же самое можно сказать и о его слабости, выражавшейся в том, что он хотел подольше казаться молодым.

Однако, даже если мемуары и не так полезны, как мне кажется, они, бесспорно, очень интересны. В них есть множество весьма захватывающих эпизодов, которые до сих пор еще не были описаны никем другим. Они очень разнообразны, и я не думаю, что кто-то будет скучать, читая эту книгу. Возможно, я испытываю слишком дружеские чувства к тому, кто их написал, но мы были такими друзьями, что имею право на эту слабость. Однако я не единственный, кто их прочитал, и остальные тоже придерживаются того же мнения, а посему я подчеркну еще раз, что мемуары эти великолепны.

и по значению был парижский парламент. Он был образован из непосредственных вассалов короля (крупных баронов и прелатов), высших придворных чинов и ближайших советников короля.

* Николя де Байёль (1586–1652) — маркиз де Шато-Гонтье, президент парижского парламента, суперинтендант финансов в период с 1643 по 1647 г.

При этом признаюсь в одной вещи: яставляю на ваш суд эти мемуары против воли их автора, который прожил всего два месяца после своего выхода в отставку и распорядился уничтожить их. Не знаю, почему он так захотел. Возможно, перед тем, как покинуть этот мир, он решил пощадить некоторых людей, с которыми у него имелись разногласия и о которых он отзывался не слишком хорошо. Но это не показалось мне достаточной причиной для того, чтобы лишить публику такого занимательного произведения: как бы то ни было, вот оно в том виде, в каком я его получил, а я сам в нем ничего не прибавил и не убавил.

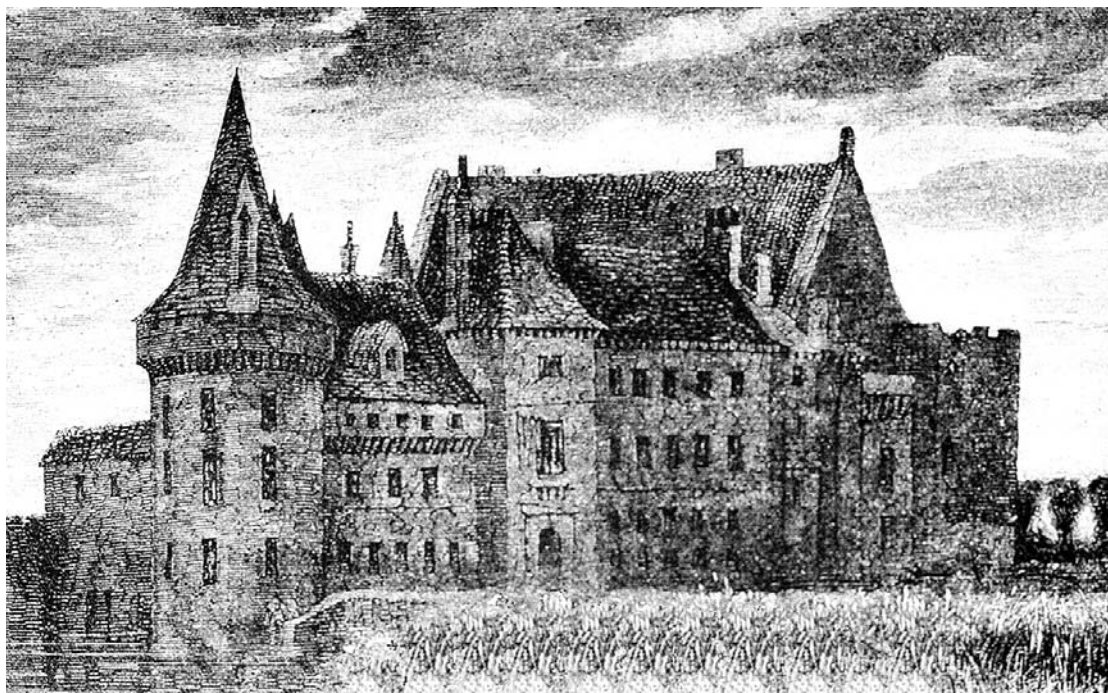
ME

МЕМУАРЫ ГРАФА ДЕ РОШФОРА

Между Парижем и Этампом, на прямой линии, проходящей через Шартр, находится замок Оленвиль, который в прежние времена был королевской собственностью, а ныне принадлежит господину де Марийаку.

Как-то раз мой отец отправился к одному из своих родственников и взял с собой мою мать, находившуюся тогда на пятом месяце беременности. По пути они заехали к соседу, которого звали господином Гриньи, и там их кучер изрядно выпил, а потом вдруг свернул с дороги и вывез их к воротам замка Оленвиль.

Это обстоятельство привело к непоправимым последствиям, так как у моей матери вдруг начались роды, она получила при моем рождении серьезные травмы и не прожила после этого и двух

дней. Это стало причиной страшной печали для всей семьи, в которой все ее очень уважали. Мой отец был так взбешен произошедшим, что готов был убить кучера, которого он считал виновником смерти моей матери. Однако господин де Марийак помешал ему это сделать, но мой отец все равно добился того, что кучера бросили в тюрьму, из которой, правда, он вышел через два или три месяца, добившись признания своей невиновности.

В связи с тем что никто и не предполагал, что я выживу, меня решили немедленно крестить. Господин де Марийак принял в этом самое деятельное участие вместе с одной дамой, оказавшейся поблизости. Ее звали мадам д'Абрувиль. А меня называли Шарлем-Сезаром, то есть именем, которое носил мой отец, так как всем показалось, что это доставит ему удовольствие. Мне наняли кормилицу, и мой отец отправил меня в свой замок, находившийся рядом с Орлеанским лесом, а сам поехал в Париж, куда его позвали неотложные дела.

* * *

Я был единственным его ребенком, и, как уже было сказано, никто не верил в то, что я выживу, а посему все советовали моему отцу жениться во второй раз. Он был еще совсем не старым человеком, а посему легко согласился с такой постановкой вопроса. Ему предложили несколько кандидатур из лучших парижских семей, но он захотел посмотреть на всех претенденток прежде, чем принять решение, а посмотрев, не нашел никого, кто бы ему понравился. Либо там действительно не было никого достойного, либо он еще находился под впечатлением несчастного случая, связанного с моим рождением.

Как бы то ни было, но к нему вдруг пришел один из его родственников, служивший кюре в одном из лучших церковных приходов Парижа и имевший репутацию святого человека, каковым он на самом деле и являлся, и объявил, что нашел то, что нужно, — красивую девушку, юную, хорошо сложенную, богатую и во всех отношениях достойную. Короче говоря, он сказал, что это настоящее сокровище и такой случай нельзя упускать.

Конечно, мой отец прекрасно знал, что нет ничего опаснее, чем жениться по совету священника, однако святость его родственни-

ка заставила его подумать, что не бывает правил без исключений. Он сказал, что все решено, ибо он полностью доверяет мнению человека, который для других всегда делает даже лучше, чем для самого себя. Кюре ему ответил, что эта партия может принести целое состояние, что девушка в один прекрасный день будет иметь двадцать тысяч ливров ренты, что она происходит из уважаемого семейства де ля Форс и что она сможет сразу же после замужества пользоваться недвижимостью своего отца, так как у того больше нет наследников.

Невозможно с полной уверенностью сказать, какие из этих слов воздействовали на моего отца в наибольшей степени, но он тут же заявил, что хочет видеть мадемуазель, и кюре отвез его в монастырь, где она в то время находилась. Оттуда мой отец вышел под таким впечатлением, что не хотел ничего и слышать, пока дело не будет урегулировано. Однако, так как он не был совсем глупым или, как минимум, не считал себя таковым, он написал нескольким своим друзьям, которые у него были в Ажане, в районе которого находилась недвижимость отца девушки. Они ответили ему, что мадемуазель очень добродетельна, что она богата и что он, если женится на ней, будет самым счастливым из мужей. Его счастье длилось примерно три недели, в течение которых он ласкал ее так часто, как этого не сделал бы со своей любовницей ни один из самых молодых и самых пылких мужчин. Он водил ее на балы, в театр, на прогулки, а когда ему приходилось иногда оставить ее на час или на два, он возвращался к ней с такой поспешностью, которая была просто непростительна для законного супруга. Все вокруг были удивлены тем, что эта его восторженность никак и ничем не регулировалась, но все решили, что, по сути, это обычное дело, когда речь идет о женщине, у которой невозможно найти ничего, что было бы способно вызвать отвращение.

При этом я был совершенно забыт, и если обо мне иногда и спрашивали, то лишь для того, чтобы узнать, не умер ли я еще. Мой отец очень хотел сына от своей новой жены и уже совсем не вспоминал о моей матери, а посему уже заранее был полон чувств к этому второму ребенку от второго брака.

Он ощущал себя в полной безопасности от любых ударов судьбы и думал лишь о том, как лучше провести время в ожидании того,

на что рассчитывал в отношении имущества своей жены. При этом он подарил ей великолепную карету, массу соответствующих нарядов, но это не особо ее радовало, и порой ее лицо принимало такое меланхолическое выражение, что мой отец даже удивлялся. Он постоянно ее спрашивал, все ли хорошо и не нуждается ли она в чем. Короче, ей достаточно было одного слова, и человек, сердцем которого она завладела, уже не мог отказать ей ни в чем.

Они предавались всем возможным ласкам, как вдруг однажды мой отец почувствовал у нее на спине нечто такое, что показалось ему ненормальным. Он захотел посмотреть, что это такое, но она предпочла удалиться, не ответив, а это вызвало у моего отца подозрения, которые еще больше возбудили его любопытство. Она попросила его не настаивать, сказала, что там нет ничего, достойного повышенного внимания, но мой отец не остановился и силой сорвал с нее рубашку. Сделав так, он увидел такое, что непременно рухнул бы наземь, если бы не лежал в этот момент. Он увидел, с позволения сказать, ярко выраженный цветок лилии*, что тут же продемонстрировало ему, в какой степени он

* В те времена так клеймили воровок и проституток.

заблуждался в отношении ее благочестивости. Она попыталась вернуть ему все те ласки, которые от него успела получить, но он сделался невосприимчивым к подобного рода отвлекающим маневрам. В один миг к нему вернулось чувство реальности, и он воскликнул:

— Бесчестная, вас следовало бы повесить, и, клянусь, если мне не отдадут должное, я собственными руками убью вас!

Потом он быстро вскочил, нашел кюре и высказал ему все, что в тот момент подсказала ему его ярость. Однако, видя, что это ни к чему не может привести, он спросил, каким лекарством тот собирается лечить то зло, которое сотворил.

Бедный кюре поначалу даже отказался поверить в то, что сообщил ему мой отец, но потом, поняв, что это правда, бросился ему в ноги и стал просить прощения, поднимая глаза к небу и понося нечестность девушки, воспользовавшейся его доверчивостью.

Однако мой отец продолжал возмущаться, грозя своими криками собрать всю округу, и тогда священник, который раньше был адвокатом, сказал ему, что совершенное зло велико, но нет такого зла, против которого не существовало бы лекарства. Он сказал, что брак этот недействителен, так как имя жены подложно, что нужно как можно быстрее дать делу ход и что успех гарантирован.

Как во время кораблекрушения нужно привязываться ко всему, с помощью чего можно спастись, так и тут мой отец доверился тому, что сказал этот посланник неба. Он побежал во дворец и нашел там трех самых ловких адвокатов, и те подтвердили ему вышесказанное. Однако они отметили, что неплохо было бы иметь каких-то свидетелей, если молодая женщина заартачится, но это было сложно для моего отца, так как ему было стыдно обращаться к кому-либо с подобного рода просьбой.

Короче говоря, он прождал несколько дней до тех пор, пока не обнаружил, что некое лицо предпринимает усилия, чтобы ей помочь, и лишь это заставило его сделать то, чего в обычных обстоятельствах он не сделал бы никогда.

К несчастью для себя, он обнаружил, что она не брала чужого имени, что ее действительно звали Мадлен де Комон, как и было написано в брачном свидетельстве. Она взяла себе имена своих

отца и матери, и единственное, что она придумала, это то, что отца она представила как шевалье и владельца многих имений, а мать — благородной и могущественной дамой, в то время как на самом деле он был простым мельником, а она — мельничихой. Так как дело было весьма деликатным, ему посоветовали дать ей немного денег, чтобы быть уверенным в том, что все пройдет как надо, но ее сторонник, который, видимо, мечтал навредить моему отцу, с которым они когда-то имели какие-то проблемы, не захотел принимать подобные условия. Тогда моему отцу посоветовали подключить к делу генерального прокурора, который потребовал, чтобы ее осудила Церковь. В результате она публично отреклась, хотя и была с рождения католичкой. Это поставило и ее, и ее сторонника в трудное положение, и она вынуждена была согласиться на сумму в тысячу экю*, хотя раньше ей предлагались две тысячи.

* * *

Мои родственники, прекрасно видевшие, что эта женитьба может меня разорить, не стали особо возмущаться. Они подумали, что это сделает моего отца мудрее, однако он, едва выкарабкавшись из одной проблемы, тут же оказался вмешанным в другую.

Дело в том, что он снимал жилье у одного богатого торговца в начале улицы Сен-Дени, чтобы быть поближе к дворцу. В том доме жила одна-единственная девушка, которой было примерно лет девятнадцать-двадцать. Она была не очень красива, но весьма неплохо сложена. Моему же отцу она показалась очаровательной, так как она часто утешала его именно в те моменты, когда он в этом особенно остро нуждался. И вот, кое-как разрешив свою предыдущую проблему, он вдруг решил, что самым лучшим для него будет жениться на ней. А она была знающей девушкой, выросшей под крылом своей матери, дамы кокетливой и небедной, и она очень хотела выйти замуж.

Перед женитьбой отец решил все же поговорить об этом со своими родственниками. Господин де Марийак** был одним из самых

* Экю равнялось шести ливрам, а один ливр — примерно одному франку.

** Луи де Марийак (1573–1632) — маршал, известный полководец. Был арестован после Дня одураченных (10 ноября 1630 года) и казнен на Гревской

высокопоставленных среди них, и он был проинформирован первым. Мой отец рассказал ему о красоте девушки, о ее образованности, уме, богатстве и согласии ее родителей. Короче говоря, он попытался пустить пыль в глаза по поводу женитьбы, которая делала мало чести нашему роду.

Господин де Марийак, бывший человеком благородным, заявил, что удивлен скоростью, с которой мой отец принимает подобные решения, что для него не сюрприз, что девушка хочет замуж, так как все девушки хотят иметь мужа. А вот то, что ее родители так быстро согласились, выглядит подозрительным, и что тут надо разобраться, не скрывается ли здесь какой подвох. Если бы кто-то другой, а не господин де Марийак сказал такое, мой отец не обратил бы на это внимания, но, будучи воспитанным в уважении к нему, он счел нужным ответить, что с этой точки зрения нечего бояться и что он за это отвечает. Господин де Марийак с улыбкой возразил, что это его дела, и если он и высказал свое мнение, то лишь потому, что считал себя обязанным сделать это, и не просто из-за родственных связей, но и из соображений дружбы, которая всегда имела место между двумя семьями.

После этого мой отец, невзирая на добрый совет, который ему дали, рассказал все своему двоюродному брату, весьма пожилому человеку. А тот, перед тем как согласиться присутствовать на свадьбе, захотел одеться соответствующим образом, рассказав при этом обо всем своему портному. То есть он сказал, что собирается ехать на свадьбу своего кузена и своего наследника, который собирается жениться на дочери такого-то торговца.

— О, месье, — воскликнул портной, — что же он делает! Неужели нет других девушек во всем Париже?

Это удивило пожилого дворянина и заставило его поинтересоваться, почему последовал такой вопрос.

— Это связано с тем, — ответил ему портной, — что у нее есть ребенок от молодого человека, который жил у ее отца, но я не

площади. Его брат Мишель де Марийак (1563–1632), советник парижского парламента и короля, управляющий финансами и хранитель печати, один из главных противников кардинала де Ришельё, сразу после Дня одураченных был посажен в тюрьму, где оставался до самой смерти.

стал бы говорить так, если бы дело было только в этом и если бы я был уверен, что она стала благоразумной.

— Как же так, — удивился дворянин, — это разве безделица — иметь ребенка, или в Париже это не считается серьезным делом? — Я этого не говорил, — ответил портной, — но, если девушка просто потеряла добрую репутацию, я никогда не стал бы касаться этой темы, если бы не было опасности, что благородный человек окажется обманутым. Она же не только продолжает жить во грехе, но и доходит до того, что не проходит и дня, чтобы она не появлялась в публичном месте, которое находится прямо напротив ее дома. Она думает, что ее никто не знает, что она может остаться неузнанной, но она и не подозревает, что я не раз делал покупки у ее отца, а посему прекрасно знаю, кто она такая.

Столь искренний рассказ удивил моего родственника. Через час он послал за моим отцом и спросил, что тот теперь думает о женитьбе на этой девушке. Мой отец ответил, что это все злословие и чистой воды ложь. Тогда, видя его столь слепым, родственник сказал, что не пойдет на свадьбу. Более того, он сказал, что лишит его наследства, если тот проигнорирует его предупреждение, но мой отец, отвергнув все эти угрозы, в тот же день принес ему на подпись брачный договор. После этого наш родственник, взяв документ из рук нотариуса, разорвал его на тысячу мелких кусочков. Но и этим он не удовлетворился, а нашел господина де Марийака, рассказал ему обо всем, что узнал, и попросил использовать весь его авторитет, чтобы помешать этому грязному делу. Господин де Марийак вскочил в карету, нашел моего отца и сказал ему, что прибыл не для того, чтобы просить тут же отказаться от женитьбы, но для того, чтобы прояснить ситуацию: то, что говорят о девушке, это, может быть, и злословие, но все же нужно все тщательно проверить, а для этого нужно лишь сказать, что срочные дела требуют его отъезда на несколько дней, а за это время можно будет узнать всю правду.

Это было слишком разумным, чтобы мой отец мог возражать. Он сделал вид, что отъехал по срочным делам, пообещав вернуться через восемь дней, а сам поселился у портного и стал вести наблюдение.

И уже на следующий день он увидел то, чего совсем не хотел бы видеть, и во всем этом принимала участие его девушка. Он даже сначала не поверил своим глазам, но потом жители квартала подтвердили все то, что рассказывал о ней портной. Убедившись в их правоте, мой отец заплакал, как ребенок, вскочил на коня, никому ничего не сказав, и вернулся к себе, не повидав перед отъездом никого, в том числе и господина де Марийака.

Однако из рук парижан так просто не вырываются, и мой отец, проигнорировавший все, что ему сказали, и оказавшийся настолько безумным, что подписал все статьи брачного договора, был возвращен назад и предстал перед Церковным судом, который приговорил его к двум тысячам франков штрафа. Он не заплатил этих денег, после чего его вызвали в Парламент, потом он обратился в Совет, но это лишь увеличило его проблемы и сумму долга: вместо двух тысяч, к которым он был приговорен ранее, он теперь должен был заплатить три тысячи франков.

* * *

Хотя мой отец и показал себя человеком неисправимым, многие думали, что произошедшее с ним послужит ему хорошим уроком. Но, желая, как я уже говорил, чтобы у меня появилась мачеха, и притом самая злая из тех, что можно было бы себе представить, он женился на женщине, которая так сильно завладела его рассудком, что меня изгнали из дома вместе с моей кормилицей. Меня отвезли в Оленвиль. Как мне кажется, сделано это было для того, чтобы в этом месте, столь губительном с самого моего рождения, для меня все закончилось бы тем же, чем и для моей бедной матери.

Там я прожил целый год, и при этом моя кормилица ни слова не слышала о моем отце, хотя сама она написала ему немало писем, а ее муж находился в его замке. По истечении этого времени кучер моего отца, проезжая мимо Оленвиля, сообщил моей кормилице, что у него есть приказ передать ей сетье* зерна, словно этого было достаточно для моего пропитания.

Потом прошел еще один год, когда никто даже не поинтересовался, жив я или уже умер, так все боялись, что в ответ потребуют

* Мера жидких и сыпучих тел во Франции тех времен (примерно 156 литров).

денег. Ничто не обязывало бедных людей, которые меня приютили, кроме того, что у них самих не было детей, и это стало причиной того, что они рассматривали меня как своего собственного ребенка.

Тем временем моя мачеха не только родила одного мальчика, но уже была готова произвести на свет второго, и это способствовало тому, что моему отцу было совсем легко забыть о моем существовании. Правда, соседи нередко спрашивали его обо мне, и это доставляло ему порой некоторые неудобства, но мачеха каждый раз отвечала, что со мной все хорошо и меня еще не вернули в дом лишь потому, что мое присутствие было бы слишком болезненным, напоминая моему отцу об умершей жене. Только полные дураки могли поверить в эту столь грубо состряпанную сказку, но родственники моей матери, сочувствовавшие мне, жили в восьмидесяти лье* от наших мест, и не нашлось никого, кто взял бы на себя заботу обо мне.

Я еще три года прожил у моей кормилицы, и, как мне казалось, я прожил бы у нее и дольше, если бы господин де Марийак, приехав однажды в Оленвиль, не заметил меня во время мессы и не спросил, не являюсь ли я сыном его кузена. Я предпочел предоставить право ответа моей кормилице, а та подтвердила, что я действительно являюсь сыном графа де Рошфора, но, к сожалению, я его не видел с момента рождения. Это было лишь то, что я сам много раз слышал, когда она говорила в моем присутствии, а я был вполне смышленным ребенком.

В результате господин де Марийак взял меня за руку и отвез меня в свой замок. Там меня переодели так, как следовало быть одетым ребенку моего положения. Некоторое время я прожил у него, а потом он объявил, что должен ехать в Париж, а меня отправил к моему отцу, написав ему, что я уже вступил в тот возраст, который требует большей заботы обо мне.

Моему отцу ничего не оставалось, как принять меня, но я вынужден констатировать, что сделано это было с немалым сожалением, так как он с первого же дня начал относиться ко мне весьма сурово, всем своим видом показывая, что он не испытывает ко

* Лье сухопутное равнялось двум милям, или 3,3898 км.

мне особой любви. Если бы я решился, я спросил бы его, почему все так происходит, а потом вернулся бы к своей кормилице, от которой я получал совсем другое отношение, но, не осмелившись открыть рот, я забился в угол, как если бы я был не его ребенком. А в это время все вокруг продолжали холить его ребенка от второго брака, который представлялся мне весьма нахальным типом. Никогда еще я не чувствовал себя так плохо, а так как мне уже должно было вот-вот исполниться десять лет и я уже начал многое понимать, я не находил себе места от досады. Тем не менее мне пришлось прожить так полтора года, принимая пищу вместе со слугами и не имея никакого иного утешения, кроме нашего кюре, который был очень хорошим человеком. Я попросил его научить меня читать, так как в доме и речи не шло о том, чтобы нанять мне учителя. Он был так рад этой просьбе и с таким рвением принялся за дело, что уже через три или четыре месяца я мог бегло читать даже самые трудные книги.

При этом не проходило и дня, чтобы моя мачеха не расстраивала меня. Она не удовлетворялась тем злом, которое могла мне причинить сама, а посему требовала и от отца, чтобы он тоже очень плохо относился ко мне. Этого она добивалась ложными доносами на меня, которыми она приводила его в ярость. Мой отец не любил меня и всегда верил ей, поэтому он никогда не вдавался в подлинные причины моего поведения.

Мое отчаяние было столь велико, что я даже стал подумывать о том, чтобы отравиться. В саду мне как-то показали ядовитую траву: я нарвал ее и, помолившись, съел достаточное количество, чтобы умереть. Но произошло явное чудо. У меня не только не начались конвульсии, у меня не было вообще никаких симптомов, которые бывают у отравленных, короче, я даже не почувствовал себя больным. Я рассказал об этом кюре, к которому я ходил на исповедь. Он меня сильно отругал, рассказав о великом грехе, который я пытался совершить. Он потребовал, чтобы я попросил прощения у Господа и пообещал ничего не делать отныне без его разрешения. Злоба моей мачехи только увеличивалась, отец тоже не выказывал в мой адрес никаких добрых чувств, а посему я решил уйти из дома при первой же возможности. Я рассказал об этом кюре, но он стал отговаривать меня, утверждая, что я еще слишком мал. Он

сказал, что я должен страдать до тех пор, пока не буду способен носить оружие, а я, посчитав, что ждать еще очень долго, заявил ему, что не могу больше. Понимая, что я не переменю своего решения, он рассказал обо всем моему отцу, но тот сказал, что ничего не имеет против и готов отпустить меня.

Кюре, видя такую его суровость, лишь заплакал, обнимая меня, и попросил еще раз набраться терпения. Видя, что я непреклонен, он достал из кармана два экю и сунул их мне в руку. Он сказал, что у него просто больше нет, но он будет молить Бога, чтобы тот позаботился обо мне. Он сказал, чтобы я никогда не забывал, что родился дворянином, то есть что я должен лучше умереть, чем сделать что-то, что было бы недостойно моего происхождения.

* * *

Я думал сначала пойти к господину де Марийаку, который уже один раз так по-доброму отнесся ко мне, но тут в наши места при-

ехали цыгане, и я спросил их, не смогут ли они взять меня с собой. Они ответили, что не возражают при условии, если я буду способен следовать за ними.

Этого оказалось достаточно, чтобы я принял окончательное решение. Я в тот же день ушел из дома, ни с кем не попрощавшись, но очень скоро увидел, насколько молодость неспособна воспринимать преподанные ей уроки. Уйдя с цыганами, я начал таскать кур, как это делали они, не задумываясь, что я еще нахожусь на землях, принадлежащих моим родственникам. Так и дальше, я всегда шел своей дорогой, никогда не думая о том, что я делаю. А пока же каждый из нас со своей добычей направлялся к главарю, а тот, заметив, что однажды я притащил не менее шести кур, налил мне стакан вина, сказав всем остальным, что это весьма неплохо для начала и что из меня может получиться очень хороший мальчик. Почти пять лет я жил подобной жизнью, обойдя не только всю Францию, но и немало иностранных государств, в каждом из которых с нами случались какие-то небольшие неприятности, что означало, что кого-то из нас могли в любой момент повесить, а посему мы приняли решение вернуться в нашу родную страну. Мы вернулись во Францию через Бургундию, идя по дороге на Дижон, потом мы оказались в Лионуа, потом в Дофинэ, потом в Лангедоке и, наконец, в графстве де Фуа. Нам показалось, что эти места окажутся для нас благоприятными, так как они были окру-

жены горами, что представляло для нас прекрасный путь к отступлению в случае, если местным жителям не понравятся наши кражи.

К сожалению, мы очень плохо знали местность, а местные жители знали ее гораздо лучше нас. Ночью они нас подчистую ограбили. Это произошло из-за того, что некоторые из нас подумали, что тут можно легко пожить курами, но это оказалась засада, и это совершенно расстроило нашу группу. Никому из нас не удалось сохранить хоть что-либо, а местные отобрали не только своих кур, но и все остальное, и нам в результате пришлось спать на голой земле, не поужинав.

Такая жизнь, которая мне очень нравилась поначалу, так как я мало что понимал, через некоторое время стала привлекать меня все меньше и меньше. По мере того как я становился умнее, я начал вспоминать о том, кем я родился и к чему меня обязывало мое происхождение. Частенько я плакал, когда этого никто не видел. Мне так нужен был добрый совет, и я все время вспоминал о том, что мне сказал наш замечательный кюре, прощаясь со мной, а еще я постоянно стал задавать себе вопрос, является ли такая жизнь жизнью настоящего дворянина.

* * *

Эта мысль произвела на меня такое впечатление, что я решил бежать. Воспользовавшись удобным моментом, я ушел в горы Капси и спустился в долину Руссильон. По ходу я увидел справа от себя самую высокую гору Пиренеев. Она называлась Канигур, и на ее вершине было озеро, в котором водилось много рыбы. Но самое необычное заключалось в том, что, как говорили, стоило бросить в него камень, как тут же дождь начинал лить как из ведра; я спросил у местных жителей, почему так происходит, но они не смогли мне ответить.

Я сумел сохранить те два экю, которые мне дал кюре, и они пригодились мне во время этого путешествия. Моей целью было вступить в первую же роту, которая мне попадется, а так как тогда еще не мерили рост солдат аршином, как это принято сейчас, я надеялся, что мой небольшой рост не помешает мне осуществить мою задумку.

Я был очень смуглым (этому способствовал образ жизни, который

я вел до этого), а посему во всех испанских населенных пунктах меня принимали за своего, и хотя мы тогда вели войну с Испанией, меня не остановили ни в Перпиньяне, ни в Салсе. Наконец я достиг Локата и вступил в роту господина де Сент-Оне, который был там губернатором.

Эта рота вела боевые действия против гарнизона Салса. Быстро освоив каталонский язык, я подумал, что было бы неплохо воспользоваться моим сходством с испанцами, чтобы совершить что-то такое, что позволило бы мне отличиться. Если честно, мне просто стало надоедать быть обыкновенным солдатом. Мне вот-вот должно было исполниться пятнадцать, и амбиции стали ударять мне в голову, порой даже мешая спокойно спать. Я спросил разрешения у господина де Сент-Оне, и он ответил, что не возражает. Когда же я вернулся назад ни с чем, он сказал:

— Малыш, так дело не пойдет. Лучше уж дать надрать себе уши, чем возвращаться вот так. Противника можно увидеть когда захо-

чешь, и не надо для этого просить разрешения, если на самом деле боишься подойти к нему близко.

— Я находился достаточно близко, месье, — ответил я. — Но нас было слишком много, а мне не нужна слава, которую нужно делить с остальными.

— Сколько же вас было? — спросил господин де Сент-Оне.

— Нас было одиннадцать, месье, — сказал я. — Это очень много, но вот если вы позволите мне с моим другом еще раз вернуться туда завтра, у вас не будет повода быть недовольным.

— А не задумал ли ты дезертировать? — вновь спросил он.

— Если бы я хотел это сделать, месье, — ответил я, — я не пришел бы к вам спрашивать на это разрешение. Уже два раза я ходил до самых укреплений противника, и если бы мне захотелось войти внутрь, никто бы мне не помешал.

Моя храбрость понравилась ему, и он спросил, кто я такой. На это я ему ответил, что если преуспею в своем замысле, то скажу, кто я, а если не преуспею, то для представления подожду какого-нибудь более подходящего случая. Такой ответ понравился ему еще больше, и он сказал, что полюбит меня, как сына, если я не стану затягивать с тем, чтобы доказать ему, что не являюсь простым болтуном.

Таким образом, я получил разрешение назавтра выйти из лагеря, который находился на расстоянии двух мушкетных выстрелов от Салса. Я сказал товарищу, пошедшему со мной, чтобы он спрятался в кустах, а сам двинулся дальше. В свое время я успел отметить, что один из офицеров гарнизона устраивал свидания с девушкой, которая приходила к нему в старый заброшенный дом. Там можно было отлично спрятаться, если бы я захотел, но надо было учитывать, что этот офицер каждый раз посылал на разведку в дом одного из своих солдат, а я не хотел упустить свой шанс.

Придя на место, я сделал вид, что стираю свое белье, и краем глаза стал наблюдать за солдатом, вышедшим на разведку, а потом побежавшим назад с докладом. Через некоторое время с одной стороны появилась девушка, а с другой — офицер. В то время пока они занимались любовью, я вынул из-за пояса два пистолета и незаметно пробрался к ним. Я сказал офицеру, что если он не последует за мной, не произнося ни слова, я проды-

рявлю ему живот. Он не стал рисковать, проверяя, поступлю я так или нет, а девушку я взял с собой, чтобы она не побежала и не рассказала о том, что случилось с ее любовником.

Мы двинулись по дороге, на которой меня ждал мой товарищ. Увидев такое подкрепление, они совсем потеряли всякую надежду на спасение, а я вдруг почувствовал радость, которую невозможно было описать.

Мы шли почти час, а потом мой товарищ, подумав, что мы уже находимся в полной безопасности, принялся разглядывать девушку. Найдя ее красивой, он решил остановиться, чтобы удовлетворить возникшие у него фантазии. Я спросил, не сошел ли он с ума, но он лишь засмеялся в ответ и сказал, что своего решения не отменит. Я был взбешен и пригрозил, что убью его. Он сказал, что я могу попробовать, и показал мне дуло своего пистолета. Это меня не смутило, и я в ответ навел на него свой пистолет, держа другой рукой моего пленника. Желая показать свою решительность, он выстрелил, но, к счастью, не попал и, испугавшись, что я не промахнусь, быстро побежал прочь.

Я не стал преследовать его. Моей задачей теперь было быстрее возвращаться, так как я не сомневался, что он теперь дезертирует и предупредит гарнизон Салса о том, что произошло. Я ускорил шаг и заставил поторопиться тех, кого я сопровождал, что оказалось весьма своевременно. В самом деле, не успел я дойти до ворот города, как появились три офицера, и они помчались было за мной. Но, видя, что я уже почти у входа, они все же сочли благоразумным не приближаться.

Мое возвращение в Локат было триумфальным. Все, кто видел шестнадцатилетнего ребенка, ведущего двух пленников, выходили мне навстречу, и к дому губернатора подошла уже немалая толпа.

— Вот, месье, — сказал ему я, — как я и говорил, слишком большое количество людей — это не всегда хорошо, а тот человек, который был со мной, оказался даже лишним, но и с ним нас было только двое.

Он переспросил, что я хочу этим сказать, и я рассказал ему все, что произошло. Узнав подробности, он похвалил меня, причем гораздо сильнее, чем того заслуживал мой поступок, вручив мне

знамя Пикардийского полка, который был поставлен под его командование, а также чин, который оказался на тот момент вакантным. А еще он сказал, что позаботится о моей карьере. Еще большую славу мне принесло то, что мой пленник оказался королевским лейтенантом из Салса. Господин де Сент-Оне доложил об этом наверх, рассказав все в деталях, после чего кардинал де Ришельё написал ему, чтобы он тут же отправил меня в Париж и выдал сто пистолей* на это путешествие.

Можете себе представить, как я был рад, и я тут же выразил всю свою признательность господину де Сент-Оне, которого считал своим благодетелем. Перед отъездом он спросил, кто я такой, и я рассказал ему свою историю настолько искренне, насколько это представилось возможным.

— Я уверен, — сказал мне он, — что вы благородный человек. Доблесть уважаема во всем мире, но она всегда гораздо больше свойственна людям благородного происхождения, чем кому-то другому. Поезжайте к кардиналу. Этот человек может очень многое, он любит храбрых людей и делает все возможное, чтобы привлечь их на свою службу.

* * *

Я отправился в путь из Локата, будучи очень довольным. А перед этим я купил две лошади — одну для себя, другую для слуги, которого нанял. Я был еще очень молод, а в юношеских головах всегда так много тщеславия. Именно поэтому я вдруг решил показаться в своем новом состоянии у себя на родине, при этом даже не подумав о том, что это может занять много времени.

Я свернул с большой дороги в Бриаре и к вечеру уже находился в доме кюре. Он был весьма удивлен, увидев меня, и одновременно очень рад этому. Рассказав ему о том, что со мной приключилось и куда я направляюсь, я поблагодарил его за все то, что он для меня сделал, вручил ему десять пистолей и заверил, что в случае, если мне удастся сколотить состояние, он получит от него свою долю. Он в свою очередь рассказал мне, что моя семья сильно разрослась, что у моего отца теперь семеро детей, однако

* Один пистоль равнялся десяти ливрам (сто пистолей — это примерно тысяча франков).

дела его идут неважно и Бог послал ему массу неприятностей в наказание за то, как он в свое время обошелся со мной.

Кроме того, он рассказал мне удивительную историю, которую я попробую сейчас пересказать. Дело в том, что у нас был один родственник, которого звали Куртиль. Это был хороший человек, связанный с лучшими домами Прованса. Впрочем, он не относился к ним напрямую, но делал все, чтобы придать смысл своему появлению на свет и стать одним из самых благополучных людей Франции. Ему очень хотелось разбогатеть, а посему он часто бывал в Париже, где это проще было сделать. Там было много женщин, у которых можно было найти поддержку, а еще можно было преуспеть в игре. Он был удивительно хорош собой и быстро стал появляться в самых лучших обществах. В Париже он влюбился в одну пожилую вдову, обладавшую немалым состоянием, и стал добиваться брака с ней. Но эта дама и слушать его не хотела, так как приняла решение посвятить себя служению Господу.

Короче говоря, она попросила его не докучать ей понапрасну. Но это не остудило его, и, несмотря на то что она попросила его не приходить больше в ее дом, не было и дня, чтобы они не виделись либо в церкви, либо у кого-то из ее знакомых. Чтобы избавить себя от этой навязчивости, она укрылась в монастыре, но Куртиль пригрозил, что подожжет его, и дама вышла оттуда, опасаясь, что он так и сделает. После этого он стал грозить, что похитит ее, а она, чтобы спастись, тайно уехала в деревню, да так, что никто не знал, где она, кроме одной ее самой лучшей подруги. Она уехала туда одна.

Когда она не появилась день, другой и третий и о ней не было никаких известий, ее родственники подумали, что наш родственник похитил ее. Усугублялось дело тем, что он действительно во многих местах говорил, что хотел бы сделать это. После этого ее родственники обратились в органы правосудия, а там стали расспрашивать свидетелей и завели дело против него. Он же был совершенно уверен в своей невиновности и в том, что ему нечего бояться. К тому же он либо был очень занят какими-то другими делами, либо просто не посчитал нужным доказывать свою невиновность, а посему взял да уехал к моему отцу, а потом

к другому своему родственнику, будучи уверенным, что все знают, где он.

А как раз в это время мой отец получил за одно дело двадцать тысяч экю. Мошенники как-то прознали об этом, нашли где-то плащи стражников и под предлогом поиска Куртиля явились к нему в дом, приставили ему пистолет к горлу и потребовали деньги. Мой отец не хотел умирать и был вынужден смириться с суровой реальностью. Он сам показал место, куда спрятал деньги, а воры погрузили все на лошадь и уехали по дороге, ведущей в лес, где благополучно скрылись.

Эта потеря была огромной для дворянина, у которого не было двадцати тысяч ливров ренты, но зато было так много детей. И я решил, что он и так огорчен, а если я появлюсь, чтобы повидаться с ним, это не будет для него приятным, а лишь еще больше расстроит его. Однако, подумав, что он может рассердиться за то, что я не выполнил свой долг, я все же пришел к нему, но он принял меня ничуть не лучше, чем я предполагал.

Дело в том, что он думал, что я приехал надолго. Кроме того, моя мачеха, желая показать, что не воспринимает меня как полноправного члена своей семьи, приказала даже не давать овса для моих лошадей. Мой слуга рассказал мне об этом, я послал его к кюре, а мой отец, спустившись в конюшню, видел все это, но не остановил его. Я был очень раздосадован, но, решив уехать уже на следующий день, подумал, что лучше будет тоже ничего не говорить, хотя все происходившее сильно ранило меня.

Очень рано я ушел к себе в комнату, а когда уже приготовился ко сну, мой отец и мачеха вдруг вошли ко мне и спросили, правда ли, как сказал мой слуга, будто бы я направляюсь к господину кардиналу. Я холодно ответил им, что это чистая правда, прекрасно понимая, с чем связан этот вопрос и что за этим может последовать. И точно — мой отец тут же сказал мне, что очень рад, что я так много добился, а мачеха заявила, что она всегда верила в меня и было бы хорошо, если бы я, сделав карьеру, не забыл и о своих братьях. Подобным же тоном я ответил им, что дело еще не сделано, но, если все закончится так хорошо, как я на то надеюсь, я не забуду то добро, которое было для меня сделано.

После этих моих слов последовали извинения за то, что меня так приняли и не дали овса моим лошадям. Мачеха заверила меня, что произошедшее — это недоразумение, связанное с тем несчастьем, которое с ними произошло, после которого они приказали ничего не давать чужакам, что меня просто не узнали, приняли за постороннего, но это больше не повторится.

Я сделал вид, что поверил. К тому же уважение к отцу не позволяло мне высказать все, что я думаю по этому поводу. Я сказал, что все это пустяки, что об этом не стоит и говорить. Мой отец после этого стал меня расспрашивать, где я был с тех пор, как покинул дом, и даже сделал мне небольшой выговор, как если бы он не помнил всего того, что происходило до моего ухода из дома.

Задав мне еще массу разных вопросов, они оставили меня, а перед этим я объявил им, что собираюсь уехать завтра. Утром меня ждал завтрак. Они подняли всех слуг, позвали моих родственников, живших по соседству, разослав всем торжественное приглашение, как если бы меня вызывали ко двору. Прибыло десять — двенадцать дворян: одни — пешком, другие — на лошадях. На меня посыпались тысячи комплиментов, как будто бы я уже сделал сумасшедшую карьеру. Чтобы избавиться себя от этого, я сказал отцу, что не могу терять время и должен отправляться, что господин кардинал любит пунктуальность и ему не понравится, если я опоздаю.

* * *

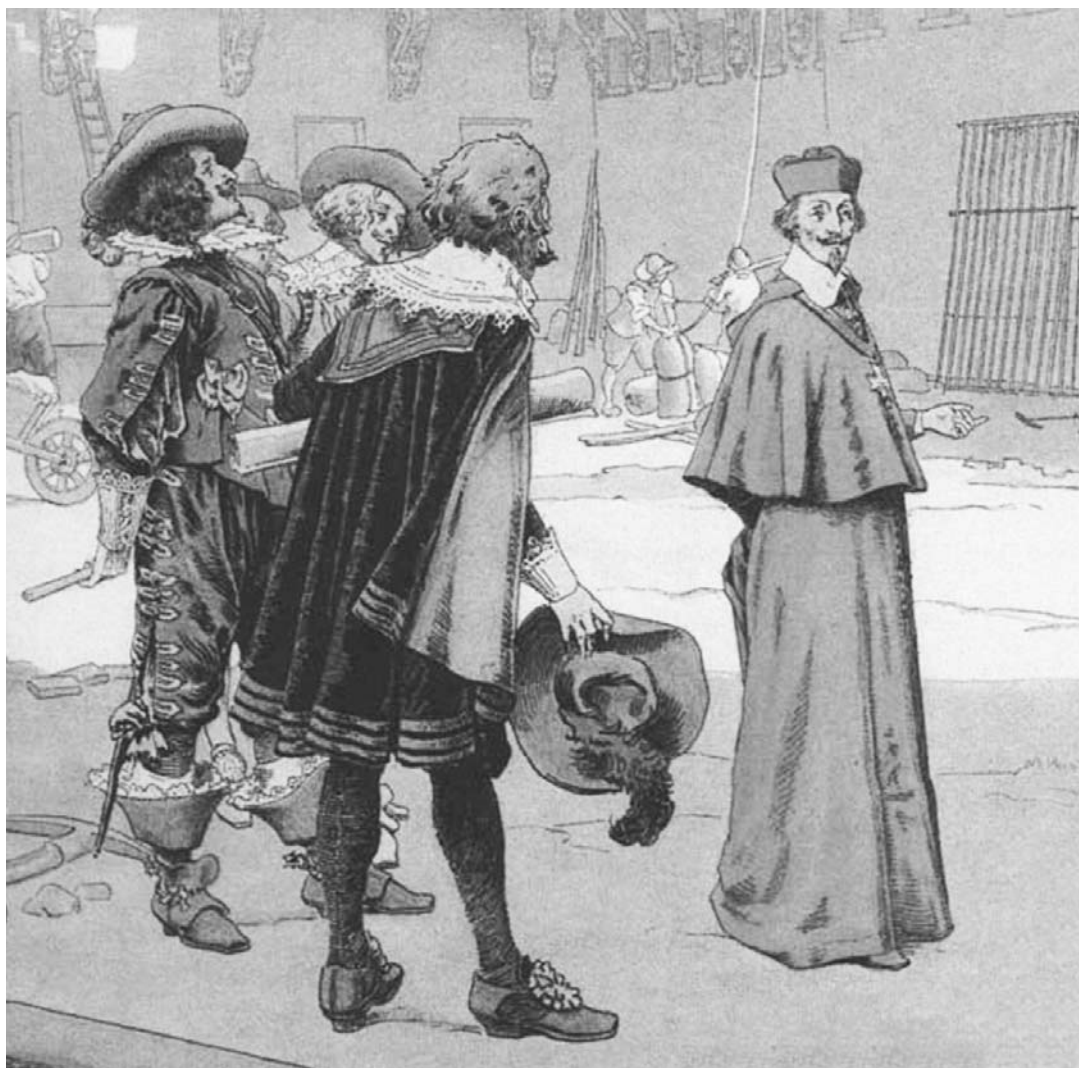
То, что я увидел у отца, ждало меня и при дворе. Когда я приехал, когда узнали, что я тот самый малыш из Локата, каждый поспешил сделать мне комплимент. Я был удивлен, что все эти люди, с которыми я никогда даже не был знаком, вдруг стали добиваться моей дружбы. Капитан гвардейцев кардинала, к которому я обратился, объявил, что я нахожусь в приемной, мне приказали войти, и все тут же увидели, что у меня нет ни волосинки на подбородке и что ростом я маловат.

— Это же совсем ребенок, — сказал кардинал, со смехом обращаясь к четырем или пяти сеньорам, находившимся рядом с ним. — Господин де Сент-Оне, видимо, решил посмеяться над нами, рассказывая о том, что он совершил.

— Я не знаю, Монсеньор, — заявил я, сделав реверанс, — что он вам рассказал, но если речь шла о том, что я взял в плен лейтенанта из Салса и его любовницу, то это чистая правда.

— Он рассказал нам совсем другое, — ответил господин кардинал, — он сказал, что ты помешал одному из солдат, сопровождавших тебя, заняться любовью с одной девушкой, что ты даже вступил с ним в схватку и он выстрелил в тебя из пистолета, но это все не помешало тебе доставить твоих пленников в целости и сохранности.

— Это правда, Монсеньор, — сказал я, — но это все такая мелочь. Вот если бы мне представилась такая возможность, я надеюсь, что смог бы еще многое сделать, служа королю и Вашему Преосвященству.

— Пусть так и будет, — сказал он и повернулся к тем, кто стоял у него за спиной. — Но это же совсем ребенок. Будет неправильно использовать его в таком возрасте, это будет равносильно насилию над природой.

Эти слова испугали меня. Я подумал, что он хочет отказать мне, а посему я осмелился снова заговорить.

— Монсеньор, — воскликнул я, — не сомневайтесь! Ваше Преосвященство может испытать меня, если у вас есть какое-нибудь поручение.

Он мне ничего не ответил, но, обратившись к капитану своих гвардейцев, приказал, чтобы меня покормили и выяснили подробно, кто я такой. После этого он удалился.

Капитан гвардейцев тут же выполнил то, что приказал ему господин кардинал, а потом он доложил ему, что я родом из дворян. После этого меня вновь позвали в его кабинет, и там господин кардинал сказал мне, что он решил взять меня к себе на службу и что я должен быть благоразумным и преданным, чтобы потом ни в чем не раскаиваться. В благодарность я сделал глубокий реверанс, а руки мои как бы сами раскрылись, чтобы начать получать те милости, на которые я рассчитывал. К сожалению, все мои надежды пока смогли вылиться лишь в получение униформы пажа. Я еще не умел хорошо владеть своими эмоциями, а посему мое лицо выразило такое неудовольствие, что это не осталось незамеченным.

— Пусть это тебя не расстраивает, — сказал кардинал мне очень добрым голосом. — Это значит лишь одно — я хочу иметь тебя рядом, но при этом не желаю раньше времени подвергать тебя каким-либо испытаниям.

Эти слова вернули уверенность моему выражению лица, и я вновь сделал глубокий реверанс. Я решил подождать, пока дорасту до того, как с меня придут снимать мерки для униформы, но управляющий пажами мне сказал, чтобы я написал своему отцу, чтобы тот выслал мне четыреста экю на униформу, и что иным образом я не смогу быть соответствующим образом экипирован.

Мое огорчение при заявлении о том, что я должен обращаться к отцу, было очень велико. Чтобы достать денег без него, я решил продать своих лошадей, но это могло мне принести не больше

пятидесяти пистолей, что составляло лишь половину требовавшейся суммы. На родственников рассчитывать не приходилось, они жили так далеко, что помощь от них вряд ли пришла бы скоро. Я провел всю ночь без сна, размышляя, как бы мне выкрутиться из сложившейся ситуации. Подумав, я решил обратиться к господину де Марийаку, который показался мне единственным источником денег, который у меня был. Но, задремав уже под утро, я проснулся слишком поздно, а посему я вынужден был перенести обращение к нему на послеобеденное время. Однако, не желая прогуливать службу, я пошел к господину кардиналу, который сразу же спросил, почему я не переодет.

— Это потому, Монсеньор, — ответил я, — что у меня сейчас нет денег, а наш управляющий сказал мне, чтобы я принес четыреста экю, но это скоро будет сделано.

— Какое незаконное взимание податей, — сказал он тем, кто стоял вокруг него.

Потом он повернулся ко мне и продолжил:

— Скажите ему от моего имени, что если он возьмет с вас хоть одно су, его не будет рядом со мной уже через четверть часа.

Скажите ему также, что, если все не будет сделано к завтрашнему утру, он может искать себе другого хозяина.

Подобные слова были мне очень приятны и дали мне почувствовать высочайшую поддержку. Я не упустил ни одного из этих слов и постарался сделать максимум возможного, чтобы унижить нашего управляющего. И он вынужден был повиноваться, а я на оставшиеся у меня еще десять или двенадцать пистолей купил себе кое-какие аксессуары для униформы, но господин кардинал не только вернул мне потом мои деньги, но и наградил тройной суммой.

* * *

Стать пажом — это, оказалось, немалая милость со стороны Его Преосвященства. Я всегда находился позади его кресла, готовый выполнить все, что он мне прикажет. За столом я подавал ему напитки, хотя многие другие тоже хотели бы это делать, и они даже выражали по этому поводу свое ревнивое недовольство, но он называл по имени только меня, хотя ему представляли и других. Когда он посещал мадам д'Эгийон*, лишь я сопровождал его, и мне позволялось находиться в передней, куда другим вход был запрещен, а еще лишь меня он посылал за теми, с кем ему нужно было поговорить, и они поднимались к нему по узкой лестнице так, что никто не мог их заметить.

Говорили, что он любил эту даму, которая приходилась ему племянницей. Не скажу, что это не так, ибо она была достаточно красива, чтобы выглядеть привлекательной для любого мужчины. Отмечу лишь, что она вполне доверяла мне, а я был горд тем, что считался ее другом. Более того, должен сказать, что он посещал ее не только для развлечения. Они нередко закрывались с некими людьми, выглядевшими довольно подозрительно. Это были иностранцы или какие-то типы, переодетые в монахов, священнослужителей или торговцев. Я вспоминаю, как после одной из таких встреч он приказал мне отнести очень тяжелую сумку по дороге на Понтуаэ. При этом мне было сказано, что при входе в

* Мадам д'Эгийон — Мари-Мадлен де Виньеро, герцогиня д'Эгийон (1604–1675), племянница кардинала де Ришельё, дочь его сестры Франсуазы дю Плесси.

деревню, которая называлась Сануа, я найду спящего капуцина. Я должен был положить сумку рядом с ним и вернуться, не произнося ни слова. Я выполнил все, что мне сказали, точно следуя данным мне инструкциям.

Перед тем как поручить мне такое секретное дело, меня испытали весьма необычным образом. Был такой человек, которого звали Сове, которого уже два или три раза посылали в Испанию, чтобы раскрыть там интриги, которые кое-кто затевал при местном дворе против интересов кардинала. Этот человек был женат на красивой женщине, можно даже сказать, на очень красивой женщине. Получив от господина кардинала задание проверить мою верность, он решил задействовать свою жену, от которой он порой терпел такое, что можно было сделать вывод, что он совсем не ревнив. Но эта женщина, не знаю уж почему, прониклась ко мне и предупредила о ловушке, в которую попадали почти все, особенно молодые люди. Она сказала мне, что я хорош собой и должен впредь быть очень осторожным. Потом она рассказала своему мужу то, что было выгодно для меня, а тот тут же проинформировал обо всем кардинала, который после этого решил, что мне вполне можно доверять и что меня можно использовать в самых важных делах.

И точно, через несколько дней мне приказали снять униформу пажа и отправиться к лошадиному рынку в дом, на который мне указали. Я должен был подняться на четвертый этаж, и, если я увижу там крест, нарисованный на двери мелом, я должен был тут же спуститься и ждать внизу, пока не придет Сове. Я нашел то, что мне сказали, и спустился вниз. Сове появился через минуту и спросил, как дела. Я ему ответил, что обнаружил то, что было нужно Его Преосвященству, после чего он спросил, не видел ли я двух мужчин, выходящих из дома: одного — одетого священником, а другого — аббатом. Я ответил, что не видел, а он на это сказал, чтобы я был внимательнее, что, если это произойдет, я должен идти за ними, в противном же случае я должен оставаться на своем посту до того момента, как он вернется. Прошло полтора часа, и он вернулся, но не один, а в неплохой компании — с ним был отряд гвардейцев, часть которых окружила дом, а часть поднялась наверх. В комнате обнаружили двух мужчин, о которых

мне говорили, их тут же схватили и отконвоировали в Бастилию. Но лишь один из них остался там, другому же позволили уйти, и на следующий день я доставил ему десять тысяч экю золотом, что, похоже, было наградой за то, что он продал своего товарища. Видя, что меня используют в столь секретных делах, я не мечтал ни о чем другом, кроме как стать старше на год или на два. Я был уверен, что у меня будет другая область деятельности, когда перестану быть пажом, и я хотел бы, чтобы это была война, к которой испытывал особую склонность. При этом во мне сохранялось желание сделать что-нибудь для моих братьев, которые в этом нуждались. Просто, чтобы дать им понять, что я не забыл о них, я написал сначала одному, потом — другому, прося их сообщить мне, если вдруг предоставится какой-то подходящий вариант. Но они мне ответили, что знают, что скоро я буду иметь немалое влияние в обществе, а посему ждут предложений от меня.

Такая постановка вопроса привела меня в ярость, и когда господин кардинал через несколько дней оказался столь добр, что осведомился о моей семье, я рассказал ему все, в том числе и о проблемах, которые у меня были в детстве. Ему понравилась моя искренность, а я, видя, что он действительно беспокоится обо мне, рассказал ему еще и об обязательствах, которые у меня имелись перед нашим кюре, впрочем представив их даже несколько большими, чем это обстояло на самом деле. Он сказал, что ему нравятся благодарные люди, но одновременно, так как я рассказал ему и о господине де Марийаке, он спросил, знают ли они, чем я теперь занимаюсь. Я ответил, что не знают, но что я мечтаю поехать повидать их при первой же возможности, на что он мне сказал, чтобы я этого не делал, если хочу сохранить привязанность, которую он ко мне испытывает. После этого я не решился что-либо говорить, но он все же заметил, что я выгляжу очень удивленным.

— По крайней мере, — пояснил он, — не стоит рассказывать им об этом. Если же это однажды случится, тебе не на что больше будет рассчитывать рядом со мной.

Я ответил, что мне достаточно лишь узнать о том, что он желает, и у меня тут же не станет ни родственников, ни друзей, если речь будет идти о служении ему.

Казалось, он был удовлетворен моим ответом, а посему меня продолжили использовать, как и раньше. В частности, он отправил меня по дороге на Сен-Дени с сумкой, полной золота, с приказом оставить ее под большим камнем, который я найду неподалеку от Монфокона. У меня также был приказ тут же вернуться, так что я даже не знал, для кого это было предназначено и кто должен был забрать сумку. Через несколько дней я отнес еще одну сумку к собору Нотр-Дам для одного человека, который, как мне сказали, должен был сидеть, уткнувшись подбородком в ладонь, а другой человек должен был стоять у него за спиной, точно один из персонажей Мольера, алчный до денег. Я так все и сделал, но мне не было позволено увидеть лицо того, для кого все это предназначалось. Мне кажется, что в этом было больше таинственности, чем серьезной необходимости, и что все было задумано либо для того, чтобы еще раз проверить мою верность, либо чтобы секретное ведомство кардинала пользовалось еще большим уважением. Как бы то ни было, я два года провел, исполняя подобного рода поручения, и в течение этого времени при дворе имело место немало интриг, имевших целью смещение кардинала, но все они закончились безрезультатно.

* * *

В свое время я написал нашему кюре, чтобы он предупредил меня, если возникнет необходимость чего-нибудь для него попросить. И вот теперь он отправил ко мне одного человека, чтобы сообщить, что стало вакантно одно небольшое аббатство, способное приносить четыре тысячи франков ренты. Я тут же обратился к господину кардиналу, и он сказал мне, что дело это верное, но сначала он хотел бы узнать, за кого я прошу.

— За нашего кюре, Монсеньор, — ответил ему я, — за человека, который научил меня читать и к которому я испытываю лишь чувство глубокой благодарности.

— Но почему, — спросил он, — ты не просишь за кого-то из своих братьев? Ты, как мне кажется, говорил, что у тебя их много и они все нуждаются в средствах.

— Это правда, Монсеньор, — сказал я, — но таким уж меня создал Бог: для меня благодарность всегда идет впереди род-

ственных связей. И Вашему Преосвященству судить, хорош ли я с такими убеждениями на службе.

— Посмотрим, — засмеялся он, — и, возможно, я подвергну тебя серьезному испытанию гораздо раньше, чем ты думаешь.

Я уже готовился ему ответить, как вдруг вошел принц де Конде, и я бросился пододвигать ему кресло. Выйдя ему навстречу, господин кардинал вдруг заметил господина де Шаро, того самого, который потом стал капитаном телохранителей, губернатором Кале, герцогом и пэром. Он его тогда терпеть не мог, а посему, едва увидев его, приказал мне срочно найти капитана его гвардии. Найдя его, я вместе с ним вернулся в комнату, где мне было сказано, чтобы я отделался от посетителя, чего бы это ни стоило. Капитан гвардии спросил, не стоит ли вообще выгнать Шаро из прихожей.

— Я вам ничего подобного не говорил, — последовал ответ, — просто не позволяйте ему больше входить.

Это приказание вмиг распространилось по дому, и каждый начал поворачиваться спиной к несчастному, как будто он был прокаженным. Но господин де Шаро проявил упорство и еще почти три часа ждал в прихожей. Господин кардинал, которому нужно было выйти, отправил меня посмотреть, там ли он еще. Я доложил, что он еще ждет, и господин кардинал предпочел задержаться, лишь бы не попадаться ему на глаза.

На другой день Шаро снова пришел, но гвардейцы не пропустили его. Он потребовал вызвать их капитана, но тот сказал, что кардинала нет на месте. Так продолжалось два дня, но он так и не смог увидеться с кардиналом, а на третий, зная, что кардинал поедет на мессу, он расположился на пути его следования. Гвардейцы оттеснили его, но он запрыгнул в нишу в стене, предназначавшуюся для установки мраморной фигуры. Когда господин кардинал приблизился, он крикнул:

— Монсеньор, ваши гвардейцы не пропускают меня, но, когда меня не пускают в дверь, я всегда пролезаю через окно.

Господин кардинал не смог удержаться от смеха, увидев его в нише, а после этого не только отменил свое решение, но и даже сделал для него немало хорошего. Шаро, добившись своего, стал появляться все чаще, при этом ни о чем не прося, хотя ему явно

многое было нужно. Это понравилось кардиналу, который ценил людей, не имевших корыстных побуждений, и любивший награждать без принуждения. И тут представился благоприятный случай, когда Шаро показалось, что он может обратиться к Его Преосвященству. Выждав, когда у кардинала будет особенно хорошее настроение, он сказал:

— Если позволите, Монсеньор, я бы попросил вас разрешить мне заработать двести тысяч экю, что не будет стоить ни су ни королю, ни вам.

— Каким же образом, Шаро? — спросил господин кардинал, улыбаясь.

— Женившись, Монсеньор. Я нашел великолепную партию, и если Ваше Преосвященство скажет хоть слово в поддержку моего желания, дело можно будет считать сделанным.

— Если речь идет только об этом, — сказал кардинал, — ты можешь на это рассчитывать.

Шаро бросился на колени, стал благодарить кардинала и говорить о том, что единственное, о чем он желал бы, так это о том, чтобы он послал просить для него руки мадемуазель Лекалопье, так как ее родственники не смогут отказать человеку, управляющему всей страной. Так Шаро женился на женщине столь богатой, что это позволило ему купить очень высокую должность, а карди-

Беседа с кардиналом

нал, который всегда ставил возле короля лишь лично преданных себе людей, назначил его капитаном его телохранителей.

* * *

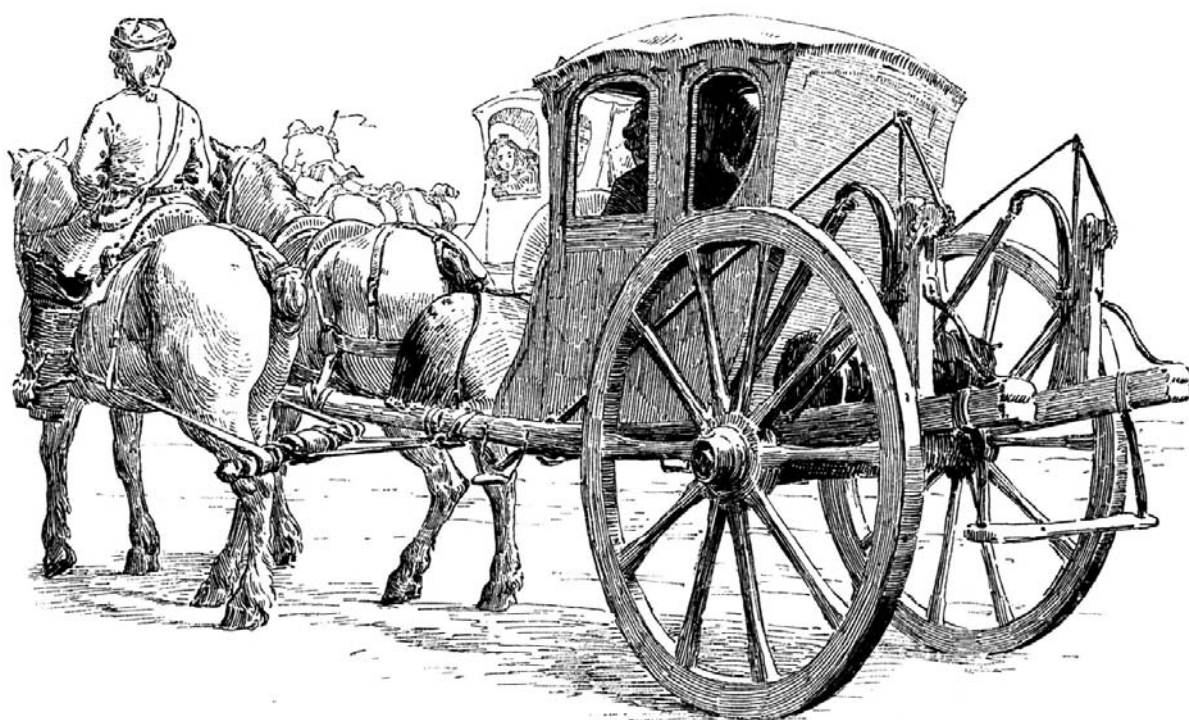
Тем временем, как я уже говорил выше, освободилось одно небольшое аббатство, и я отправил все необходимые документы на него нашему кюре, что произвело двоякий эффект. Кюре от этого чуть не умер от радости, а мой отец с мачехой — от зависти. Они все приехали в Париж: кюре для того, чтобы поблагодарить меня, а отец с мачехой — чтобы высказать мне тысячи упреков. Они заявили, что мне должно быть стыдно помогать посторонним в то время, когда мои собственные братья так нуждаются в помощи. Выпустив так весь свой пар, они заговорили в иной манере, то есть стали просить у меня о новом аббатстве. Я им сказал, что вовсе не по моей вине они его не получили, что при дворе не всегда удобно о чем-то просить, что быть навязчивым — это верное средство вообще ничего не получить. А еще я сказал, что, если господин кардинал решил что-то сделать для простого пажа, это значит, что я смогу получить еще больше милостей, но лишь после того, как окажу ему еще какие-то услуги. Слегка умиротворив их подобными перспективами, я напомнил им, что у меня имеется еще много родственников, которые тоже надеются, как и наш кюре, на милости при моем содействии. Они происходили из Берри, и многих из них я даже никогда не видел. Они начали со своей генеалогии, сказав мне, что являются моими родственниками в третьем поколении и что они надеются поэтому на мою помощь. Я ответил, что очень хотел бы, но у меня пока нет такой возможности. Это было понятно, так как я ничего пока не сделал даже для своих братьев, которые были моими прямыми родственниками и шли перед теми, кто находился в третьем поколении. А ведь еще были те, кто находился во втором, и они тоже были в более привилегированном положении. Я сказал, что помогу всем, как только у меня появится такая возможность. Они поняли, что это значит, и оставили меня в покое.

* * *

И вот время, о котором я так мечтал, пришло. Я перестал быть пажом. Господин кардинал дал мне двести пистолей, чтобы я мог

переодеться, и я стал думать, что через какое-то время от меня что-то потребуется. Пока же нельзя было сказать, чтобы я ничего не делал: я, например, отвез в Англию и Шотландию шифрованные письма, и там я был задержан сторонниками короля Англии. Меня обыскали, но ничего не нашли, так как я спрятал письма в седле почтовой лошади. Они перерыли все, но так и не обнаружили тайника. Тогда они спросили, откуда я прибыл, куда направляюсь, задали еще тысячу разных вопросов. Я отвечал, как и было договорено, что я — молодой дворянин, который решил попутешествовать. Это вызвало у них подозрения, так как они нашли, что взятая мною карета не соответствует уровню человека, которым я хочу казаться.

Это стало причиной моего задержания на четыре-пять дней, что доставило мне немало беспокойства. Мне было поручено весьма деликатное дело, и я не мог позволить себе быть раскрытым. Единственное, что меня ободряло, так это то, что мои письма были похожи на черную магию, то есть один дьявол мог бы расшифровать их содержание. В них не было привычного алфавита, и один знак мог обозначать двадцать различных слов. Весь секрет заключался в ключе, без которого ничего невозможно было разо-

брать. Чтобы было понятно, скажу, что каждый знак соответствовал слову в той или иной строке из «Исповеди» святого Августина, а чтобы узнать какому, номер страницы ставился под стрелкой слева, а справа под стрелкой ставился порядковый номер строки и порядковый номер слова в строке. Например, если речь шла о слове «имею», которое шло на десятой странице «Исповеди» святого Августина, в десятой строке, пятым по счету в строке, фигура выглядела так:

10 105

Понятно, что нужно было бы быть волшебником, чтобы догадаться, о чем идет речь. Однако я не переставал дрожать от страха. На мое счастье, они не только ничего не нашли, но еще и поверили в мою молодость, подумав, что столь юное создание не может быть в чем-то замешано, а посему меня отпустили, и я смог передать депеши по назначению, а также взять с собой ответные послания.

Мне неплохо заплатили за эту поездку: я получил ассигнацию на две тысячи экю, с которой банковский чиновник, взяв себе свой процент, выдал мне деньги наличными. За это он был выгнан со службы, когда я рассказал об этом господину кардиналу.

Не знаю, то ли моя поездка произвела такой эффект, то ли еще что, но три королевства, о которых шла речь, вдруг зашевелились, начались неясности и беспорядки, и король Англии стал демонстрировать свою недобрую волю по отношению к нам. Все это подтвердило то, что произошло со мной через три месяца после моего возвращения. Однажды утром господин кардинал сказал мне, чтобы я отправился в пригород Сен-Марсо, а там нашел некий фонтан с фигурой женщины без головы, поднялся на второй этаж дома и сказал человеку, лежащему в кровати с желтыми занавесками, чтобы он был у мадам д'Эгийон в одиннадцать вечера. Я сделал то, что мне сказали, но, так как мне было позволено посмотреть на этого человека, я тут же вспомнил, что видел его в Шотландии, и мне показалось, что он меня тоже узнал. Я заметил, что он пристально на меня смотрит, как человек, который пытается что-то вспомнить. Но мы ничего не сказали друг другу, он лишь заверил меня, что обязательно будет там, где была назначена встреча.

Когда пришло время, я получил приказ идти ждать у двери, чтобы встретить его и провести в кабинет. Он явился переодетым, и я его даже не узнал. Он же меня узнал, и я отвел его к господину кардиналу, с которым он находился до четырех часов ночи. Люди господина кардинала получили приказ удалиться, что дало еще один повод к злословию по поводу его отношений с племянницей, так как каждый думал, что они уединяются исключительно для того, чтобы переспать. Если добавить к этому то, что у него был ключ, позволявший ему приходить и уходить, когда ему вздумается, все это делало слуг этой дамы первыми источниками злословия. Все, что я говорю сейчас, вовсе не означает, что между ними вообще ничего не было, я лишь хочу лишний раз подчеркнуть, что он уединялся с ней не только для того, чтобы заняться любовью.

Когда совещание закончилось, мой человек вышел из кабинета через дверь, за которой я находился по приказу Его Преосвященства. Мне было приказано дать ему мой плащ, а еще мне было приказано сопровождать его до второго перекрестка.

Через два дня мне было поручено еще одно дело. Я должен был найти господина де Буйона, суперинтенданта финансов, и сказать

ему, чтобы он передал мне сверток, который я должен был отнести на улицу Юшетт, к человеку, о котором я рассказывал. Я получил сверток, но он оказался настолько тяжелым, что нужна была тачка, чтобы его доставить по назначению. Господин де Буйон, понимавший это, приготовил одну. Одновременно он вручил мне опись, включающую содержимое свертка, подчеркнув, что это нужно передать лично получателю. Прибыв на улицу Юшетт, я нашел нужного человека, передал ему опись и сказал, что сверток находится у двери. Он посмотрел опись и вернул ее мне, заявив, что я ошибся и это не для него, а для кого-то другого. Я ответил, что не мог ошибиться, что я его знаю и что мой приказ касается именно его. В ответ человек обеспокоенно заходил по комнате.

— Это не для меня, — сказал мне он еще раз, — и вы должны уйти.

Я еще раз повторил все, что должен был сделать, но мне не удалось переубедить его, и я вынужден был вернуть сверток господину де Буйону. После этого я доложил господину кардиналу обо всем, что со мной произошло. Он спросил меня, осталась ли у меня опись. Я ответил, что осталась. Он посмотрел в нее и разразился гневом против господина де Буйона, сказав, что научит его точно выполнять то, что ему было приказано. Он послал за ним и спросил, почему тот отправил лишь пятьсот тысяч франков вместо шестисот тысяч франков, которые должны были быть посланы. Господин де Буйон ответил, что он подумал, что получатель удовлетворится и такой суммой, а он должен экономить, но, если тот не удовлетворился, он готов отправить то, что не доложил.

Насколько я понял из всего, что было сказано (а я присутствовал при их разговоре), господин де Буйон хотел просто прикарманить сто тысяч франков, хотя он и пытался представить дело так, будто печется об одной лишь экономии. В ожидании того, пока сто тысяч будут приготовлены, Его Преосвященство послал меня найти того человека, чтобы сообщить ему, что произошла ошибка, причем ошибка по вине господина де Буйона, что я должен был особо подчеркнуть, как непосредственный свидетель.

Я нашел его за сбором вещей, и мне показалось, что он был удивлен, увидев меня. Он двинулся мне навстречу и спросил, что мне нужно. Я все объяснил ему.

Король Генрих IV

— Нужно, чтобы все было по совести, — сказал он раздраженно, — и я не понимаю, почему всего два дня назад меня уверяли в одном, а теперь происходит что-то совсем иное.

Я тут же пошел к господину де Буйону, чтобы взять шестьсот тысяч франков, передал их получателю, а потом вернулся к Его Преосвященству, который с нетерпением ждал моего возвращения, обеспокоенный тем, что произошло.

Конечно, подобного рода дела были вовсе не тем, о чем я мечтал, ведь мне больше нравилась война, однако утешало меня то, что я пользовался дружеским расположением своего хозяина. Он еще раз спросил меня, виделся ли я с господином де Марийаком, брат которого не только сделался маршалом Франции, но и женился на родственнице королевы-матери, у которой он оказался теперь в большом фаворе. Я ответил, что прекрасно помню о том, что мне было запрещено это делать, а посему я этого и не делал. А еще я

повторил, что для меня не существует родственников, когда речь идет о службе Его Преосвященству, и я очень сожалею, что мне никак не представится возможность доказать это. Он уверил меня, что доволен мной, и сказано это было таким тоном, что я понял, что он действительно доволен.

* * *

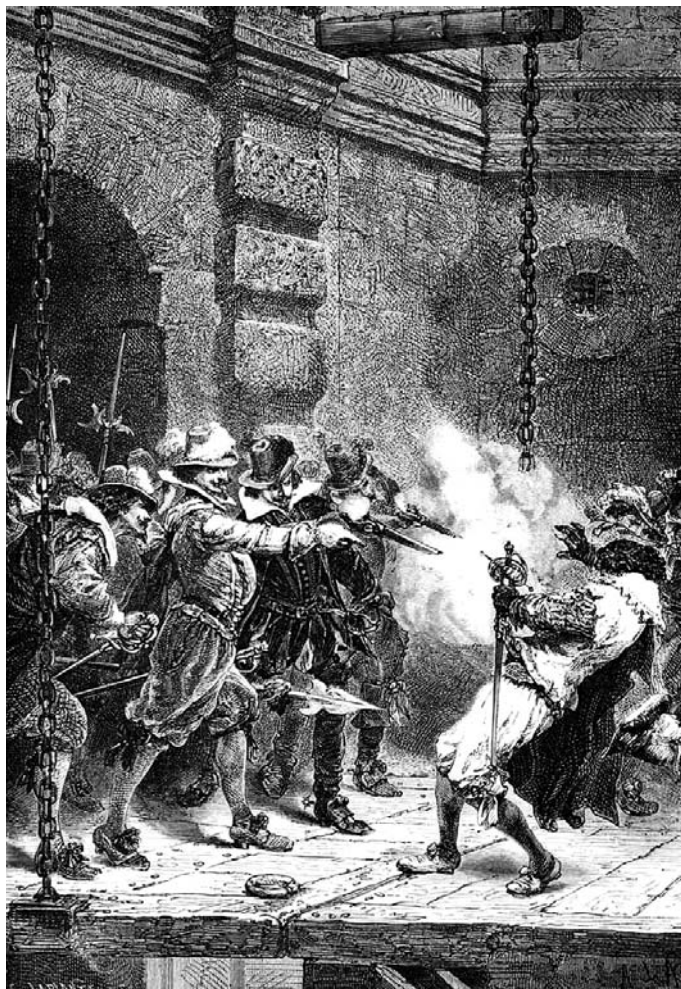
Очень скоро он получит возможность убедиться в моей преданности, но, чтобы понять все нюансы произошедшего, излишним будет сейчас рассказать о том, что всему этому предшествовало.

Король был удивительно хорошим правителем. Он получил корону, будучи еще совсем юным, но вынужден был отдать руководство страной королеве-матери, женщине очень больших амбиций, но мало любимой французами не только потому, что она была итальянкой (а итальянцев, надо сказать, французы никогда не любили), но еще и потому, что она тут же выдвинула вперед своего фаворита, который тоже был ее соотечественником, к тому же низкого происхождения и без особых заслуг*. Его многие боялись, и вскоре он стал представлять угрозу даже для принцев крови, а его жена, которая была еще более невыносима, стала столь влиятельной, благодаря милостям королевы, которую она полностью себе подчинила, что все ее просто возненавидели. Чтобы противостоять такому количеству врагов, королева-мать вынуждена была приблизить к себе некоторых людей, в том числе братьев де Марийаков. Оба они были весьма благородными людьми, достойными самых великих дел. Однако, несмотря на все предпринятые меры предосторожности, количество недовольных было так велико, что она не смогла уберечь своего фаворита. Герцог де Люинь, наделенный не меньшими амбициями, нашептал королю, что его мать ненавидима народом именно потому, что отдала страну в руки иностранца. Возможно, он взвалил на нее и вину за смерть короля-отца. Как бы то ни было, король отдал ему приказ найти кого-нибудь, кто убил бы

* Речь идет о Кончино Кончини (1575–1617), сыне флорентийского нотариуса, ставшего фаворитом Марии Медичи и самым влиятельным человеком во Франции.

Кончино Кончини

Убийство Кончино Кончини

этого проклятого фаворита, что и было сделано капитаном телохранителей де Витри.

Герцог де Люинь после этого попытался сосредоточить всю власть в стране в своих руках, но его плечи оказались слишком слабыми для такой ноши, а партия королевы-матери, сформировавшаяся из завидовавших новому первому министру, стала усиливаться день ото дня. Те, кто были теснее всего связаны с ней, были вызваны ко двору, а так как господа де Марийаки были одними из самых преданных, они и получили наибольшие знаки отличия. Один из них даже стал претендовать на то, чтобы стать первым министром. Но при этом королева-мать призвала к себе на службу и епископа Люсонского, который позже станет известен под именем кардинала де Ришельё, и он вдруг засверкал так, что блеск де Марийака тут же поблек на его фоне.

Чем больше были амбиции Марийака, тем труднее ему было терпеть Ришельё, запросы которого оказались не меньшими, чем его собственные. Амбиции умножались на зависть, и все это давало в итоге такую страшную ненависть, что они просто не могли переносить друг друга. Смерть герцога де Люиня, открывшая двери к руководству кабинетом министров, еще больше усилила эту вза-

Герцог де Люинь

имную ненависть, но Ришельё очень скоро взял верх над всеми, включая саму королеву-мать. Де Марийак и его брат организовали против него массу интриг, и, если бы гений этого человека оказался чуть меньшим, ему не удалось бы избежать падения. Но он все выдержал, а так как он никого так просто не прощал и хотел еще больше упрочить свою власть, он решил снести головы тех, кого больше всего боялся, а посему он не удовлетворился тем, что вынудил королеву-мать бежать из Франции, но решил еще и уничтожить де Марийаков.

* * *

Вот почему он так часто спрашивал меня, не встречался ли я с ними. На самом деле он решил испытать мою преданность или, что более вероятно, ему захотелось избавиться от маршала, который был человеком безупречным, а посему он однажды сказал мне:

Маршал Луи де Марийак

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В предисловии к «Трем мушкетерам» Александр Дюма довольно туманно рассказывает о том, как он нашел сюжет для своего романа. Он пишет: «Примерно год тому назад, занимаясь в Королевской библиотеке разысканиями для моей истории Людовика XIV, я случайно попал на “Мемуары господина д’Артаньяна”, напечатанные — как большинство сочинений того времени, когда авторы, стремившиеся говорить правду, не хотели отправиться затем на более или менее длительный срок в Бастилию, — в Амстердаме, у Пьера Ружа. Заглавие соблазнило меня; я унес эти мемуары домой, разумеется, с позволения хранителя библиотеки, и жадно на них набросился».

Да, жизнь человека, прославившегося как д’Артаньян, обильно расцвеченная различного рода фантастическими приключениями, легла в основу трехтомных «Мемуаров господина д’Артаньяна, капитан-лейтенанта первой роты королевских мушкетеров», появившихся задолго до Александра Дюма, в самом начале XVIII века. Но этот текст был сочинен неким Гасьеном де Куртилем де Сандра (Gatien de Courtilz de Sandras), настоящий же д’Артаньян никаких воспоминаний не писал.

Александру Дюма очень не хотелось полностью раскрывать карты, поэтому он ограничился полуправдой: якобы он случайно нашел книгу в библиотеке, при этом имени ее настоящего автора Гасьена де Куртиля де Сандра (в дальнейшем, для простоты, мы будем называть его просто де Куртилем) он даже не упоминает. И это несмотря на то, что в свое время эта книга господина де Куртиля, действительно изданная в Нидерландах, пользовалась огромным успехом, в том числе и во Франции.

Сказать, что де Куртиль выпустил подложные «Мемуары», нельзя. Этот небогатый дворянин родился в 1644 году в Монтаржи и умер в 1712 году в Париже, служил в роте мушкетеров, и вполне можно предположить, что он лично знал настоящего д’Артаньяна. Все-таки жили они в одно время и вполне могли встречаться по службе или при дворе. Когда настоящий д’Артаньян погиб в 1673 году под Маастрихтом, де Куртилю было двадцать девять лет. «Мемуары» же он выпустил в 1700 году.

Сам де Куртиль тоже пытался преуспеть на военном поприще и даже дослужился до чина капитана. Когда же после окончания очередной войны войска были распущены, он, не имея никакого собственного имущества, которое могло бы дать ему средства к существованию, занялся ремеслом

писателя, создающего занимательную литературу для широкой публики. Сочинения его были полны интересных подробностей, в том числе и о короле, что обеспечило им немедленный успех у читателей. Конечно же, королю это не понравилось, и де Куртиль на несколько лет был брошен в тюрьму, откуда ему удалось сбежать в Нидерланды. Там он вновь взялся за сочинительство. Написав «Мемуары господина д'Артаньяна», он в 1702 году неосторожно попытался вернуться на родину, но его тут же схватили и вновь упрятали в тюрьму, откуда он вышел лишь незадолго до смерти. Но и там этот автор оказался неисправим: он умудрился сочинить «Историю Бастилии», ставшую в свое время достаточно популярным чтением.

Кстати сказать, известно, что в то время, когда де Куртиль первый раз находился в Бастилии, ее губернатором был господин де Бемо, близкий друг д'Артаньяна, и он тоже вполне мог быть для скандального сочинителя источником бесценной информации о знаменитом мушкетере.

Пользовался ли де Куртиль какими-то записками д'Артаньяна или его устными рассказами — это остается загадкой. Сам он утверждал, что использовал подлинные записки д'Артаньяна, якобы найденные после гибели последнего. Но это маловероятно — знаменитый мушкетер хоть и был грамотен, но пером владел куда хуже, чем шпагой, и вряд ли писал что-либо, кроме военных приказов и долговых расписок. В любом случае, несомненно: жизненная основа у «Мемуаров» де Куртиля гораздо реальнее, чем у ставших знаменитыми романов Александра Дюма.

В XIX веке, когда Александр Дюма создавал на основе «Мемуаров» де Куртиля свой цикл о мушкетерах, их неточность уже была хорошо известна. Впрочем, Дюма и не стремился следовать исторической правде. Ему просто очень понравился герой де Куртиля — отважный гасконец, на каждом шагу сталкивавшийся с опасностями и героически их преодолевавший. Понравились и его товарищи со звучными именами Атос, Портос и Арамис. Для большей привлекательности он включил в свои книги ряд полулегендарных сюжетов XVII века, изначально с д'Артаньяном не связанных (эпизод с подвесками королевы Анны Австрийской, легенда о Железной Маске и т. д.).

Может возникнуть вопрос, а к чему мы все это рассказываем? Просто дело в том, что и «Мемуары графа де Рошфора» тоже написал неугомонный Гасьен де Куртиль де Сандра. Впервые это произведение вышло в свет в 1688 году в Кёльне, и называлось оно «Mémoires de M.L.C.D.R.» (где L.C.D.R. — это Le Comte De Rochefort, или граф де Рошфор). Но если настоящий д'Артаньян существовал, то граф де Рошфор, его противник и антипод, относится к числу полностью вымышленных персонажей. Впрочем, имя его не было придумано Александром Дюма, как имена слуг мушкетеров (Планше, Гримо, Мушкетон и Базен), Констанции Бонасье и некоторых других. Графа де Рошфора придумал все тот же де Куртиль. С одной стороны, образ этого человека фигурировал в «Мемуарах господина д'Артаньяна» под фамилией Рознас, с другой стороны, именно им были написаны так называемые «Мемуары графа де Рошфора».

После 1688 года книга эта многократно переиздавалась.

У Дюма граф де Рошфор — это человек примерно сорока лет, он является преданнейшим слугой кардинала де Ришельё, дерзким и хладнокровным тайным агентом, хитрым и циничным шпионом («французским Джеймсом Бондом XVII века»), врагом д'Артаньяна, укравшим у него рекомендательное письмо к господину де Тревилю, сообщником Миледи и т. д. и т. п. В романе «Двадцать лет спустя» граф де Рошфор оказывается одним из вожаков Фронды и врагом кардинала Мазарини. В одной из сцен романа толпа, возглавляемая де Рошфором, предпринимает попытку вытащить кардинала из кареты, но при этом граф напарывается на шпагу д'Артаньяна. После этого толпа разбегается, а истекающий кровью граф де Рошфор успевает вымолвить:

— Это судьба. Я три раза излечивался после уколов вашей шпаги. В четвертый раз чуду, как видно, не бывать...

Д'Артаньян восклицает:

— Граф, я не видел, что это вы. Я не хотел бы, чтобы вы ушли из жизни с чувством ненависти ко мне!

И извечные враги пожимают друг другу руки...

Как говорится, фантазия Александра Дюма не знает границ, и у него граф де Рошфор, человек со шрамом, символизирует темные силы, с помощью которых строятся дьявольские козни против отважного героя д'Артаньяна и его не менее отважных и героических друзей.

На самом деле в «Мемуарах графа де Рошфора», написанных де Куртилем, имя д'Артаньяна, равно как и его друга-гасконца Франсуа де Бемо, упоминается всего один раз. Де Куртиль от имени графа пишет:

«Так как я проводил больше времени при дворе, чем на войне, я не возмущался тем командованием, которое мне дал господин кардинал. Я очень привязался к нему. При этом находилось немало людей, которые старались представить все так, будто я играю некую злую роль, и среди них могу отметить д'Артаньяна и Бемо, которых раздражало то, что они всю жизнь крутились возле Его Преосвященства, не получая повышения. Действительно, они представляли собой весьма ничтожные фигуры, достойные жалости и не знавшие порой, где взять денег на обед. Они мечтали об отставке, но так как они были гасконцами и не могли предпринять столь далекое путешествие без денег, они все время искали способ их раздобыть».

Как видим, образ д'Артаньяна не выглядит здесь особо героическим и романтическим.

К сожалению, почему-то принято считать, что качество произведений де Куртиля оставляет желать лучшего. Некоторые критики даже утверждают, что де Куртиль был бездарен.

Об этом можно и поспорить. Во всяком случае, у автора этих строк такого мнения не сложилось.

Относительно же правдивости произведений де Куртиля хотелось бы заметить следующее. Любой автор, даже самый серьезный историк, дает нам лишь свой вариант сути и последовательности событий. Все историки обещают нам правду, но ни один не в состоянии передать ее без

каких-либо искажений. Проблема заключается лишь в том, в какой степени и по каким причинам допускаются эти самые искажения.

Что касается Александра Дюма, то надо сказать, что он всегда достаточно вольно обходился с историей и говорил, что она — только гвоздь, на который он вешает свои красочные картины. Конечно, глупо было бы утверждать, что писатель не знакомился с первоисточниками. Безусловно, основывался он не только на произведениях де Куртиля, и в его текстах можно легко найти дополнительные сведения, позаимствованные у десятков других авторов. В результате весь мир знакомится с французской историей по романам Дюма. И пусть эта история не во всем верна, зато она интересна и полна самых захватывающих приключений.

На наш взгляд, Александр Дюма — великий писатель. Более того, его можно даже считать родоначальником нового литературного жанра — эдакой исторической фантастики, в которой автор пишет не о будущем, а о прошлом, используя известные факты всего лишь как иллюстрации к развиваемому сюжету, к собственному взгляду на происходившие события. Конечно, серьезных историков это не может не раздражать. Но это, как говорится, их личное дело.

Мы не будем осуждать Александра Дюма. Он ведь никогда и не собирался день за днем восстанавливать ход истории. Он вообще — не историк, а романист, и написал он увлекательные книги, которыми зачитываются многие поколения людей, для которых история — это что-то связанное со школой, но не более того. А главное то, что Александр Дюма очаровал нас всех приключениями своего героя.

А что же де Куртиль? Ему просто не так повезло, и его имя долгое время оставалось совершенно забытым. Однако его история графа де Рошфора — это множество весьма метких исторических портретов, масса событий, к которым сам вымышленный граф не имел ни малейшего отношения, обилие интриг, заговоров, любовных приключений, придворных сплетен... И ничего демонического, потому что граф де Рошфор не был негодяем, антигероем или «игроком на поле зла», как его часто называют. Напротив, он был благородного происхождения и очень чтит кодекс чести. Просто он полжизни работал шпионом (есть ведь и такая работа), и обязанности свои он выполнял на совесть. Он славно потрудился на кардинала де Ришельё, получая за это по заслугам и даже больше, и был готов предоставить не меньшее кардиналу Мазарини, но итальянец, по версии де Куртиля, просто оказался недальновидным и неблагодарным человеком.

Короче говоря, «Мемуары графа де Рошфора» Гасьена де Куртиля де Сандра — это 448 страниц убористого текста, который, если изложить его современным языком, чуть-чуть подсократить и дать кое-какие пояснения, вполне может превратиться в историко-приключенческий бестселлер, действие которого происходит в XVII веке в старой доброй Франции. Что, собственно, мы и попытались сделать.

Сергей Нечаев

*Научно-популярное издание
Серия «История – это интересно!»*

ГАСЬЕН ДЕ КУРТИЛЬ ДЕ САНДР
МЕМУАРЫ
ГРАФА ДЕ РОШФОРА,

**СОДЕРЖАЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ТОМ,
ЧТО ВАЖНОГО ПРОИЗОШЛО
ПРИ КАРДИНАЛЕ ДЕ РИШЕЛЬЁ И КАРДИНАЛЕ МАЗАРИНИ,
СО МНОГИМИ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ
ПРАВЛЕНИЯ ЛЮДОВИКА ВЕЛИКОГО**

Перевод с французского и послесловие *С. Ю. Нечаева*

Редактор *Е. В. Любимова*
Художественное оформление: *А. Б. Архутик*
Обработка иллюстраций: *А. Е. Комаров*
Корректоры *О. В. Круподер, В. А. Нэй*

Подписано в печать с файлов издательства 14.01.2015 г.
Формат 70×90/16. Гарнитура «OfficinaSansC».
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 16,5. Тираж 1500 экз.
Заказ №

ООО «Издательство «Этерна»
115477, Москва, Кантемировская ул., д. 59а
Тел./факс (495) 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru